

Особенности изучения русской эмиграции в Королевстве СХС (Югославии)

Изучение представлений русских о Балканах нужно начинать с Ирины Степановны Достян. Она смело бралась за новые, еще не разработанные в историографии темы. Одной из них стало отношение русских к балканским народам, в частности к сербам, и как это отражалось в русской общественной мысли первой четверти XIX в. Этой теме И.С. Достян посвятила специальную монографию «Русская общественная мысль и балканские народы»¹. Мы полностью согласны с М.В. Беловым, который назвал это исследование «пионерским» в своей публикации, собравшей свидетельства русских путешественников на Балканах в первой половине XIX в.²

Но всё же это были в основном одиночные контакты. Представление же одного народа о другом возникает, как правило, при массовых контактах. И одним из таких массовых и длительных контактов двух народов было присутствие в Югославии (преимущественно в Сербии) в период между двумя мировыми войнами русских эмигрантов, бежавших после поражения Белого движения в Гражданской войне в России. Кстати, именно в 2020 г. отмечалось 100-летие Русского исхода и окончания Гражданской войны.

Работы, выходявшие в советское время и посвященные русской послеоктябрьской эмиграции, даже лучшие из них, никак нельзя было считать научными и объективными. Чаще всего они носили крайне идеологизированный пропагандистский характер. Условно переходный, не столь ярко выраженный, но все-таки однобокий характер носила выдержавшая несколько изданий книга Л.К. Шкаренкова с характерным названием «Агония белой эмиграции»³.

Серьезное научное изучение проблемы русской послеоктябрьской эмиграции в Сербии и Югославии началось на исходе советской власти и было связано со статьями доцента кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ В.А. Тесемникова «Российская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.)»⁴ и будущего академика Ю.А. Писарева «Российская эмиграция в Югославии»⁵. Надо отдать им должное — в отечественной историографии они были первыми. По крайней мере, первыми, кто постарался и смог взглянуть на проблему эмиграции непредвзято.

Интересно, что оба ученых пришли к теме эмиграции благодаря существовавшему в Белграде «Русскому дому», построенному еще эмигрантами и в котором позднее располагался Дом советской культуры (ДСК). В.А. Тесемников дважды по несколько лет работал в этом Доме, а Ю.А. Писарев часто бывал здесь во время командировок. Оба они застали остатки находившейся в «Русском доме» и уничтоженной почти полностью эмигрантской библиотеки.

Основная тема статьи Писарева — культурная и научная деятельность русской эмиграции в Югославии. И она до сих пор остается доминирующей в отечественной и сербской историографии⁶.

В России проблемами русской эмиграции и их вкладом в сербскую культуру много занимался В.И. Косик. Отметим две книжки его очерков «Что мне до вас, мостовые Белграда?» и исследование «Русские краски на балканской палитре» — о русских деятелях балканского театра, живописи, скульптуры, архитектуры, оперы и балета, музыки⁷. Он же вместе с В.А. Тесемниковым явился составителем своего рода хрестоматии «Русский Белград»⁸. В целом, работ, посвященных вкладу русских эмигрантов в культуру приютивших их балканских стран, очень много. Среди них назовем книгу Н.М. Вагаповой «Русская театральная эмиграция»⁹. Появилась также справочная литература, например, биографический словарь и анкеты находившихся в Югославии русских врачей¹⁰.

Строго говоря, не все работы о русской эмиграции полностью отвечали научным критериям. После долгих лет враждебного от-

ношения к белоэмигрантам в советское время, появилась обратная тенденция их определенной апологетики. Конечно, в жизни всё было сложнее. Часто по жанру многие работы относились скорее к публицистике. Но и такие работы обогащали наше знание.

Эмиграция состояла из людей. Теперь мы гораздо больше знаем о многих русских людях, оказавшихся в эмиграции. Хотя бы только четверых хочется назвать. Сегодня одним из самых известных русских эмигрантов в Югославии является Николай Петрович Краснов (1864–1939), имя которого на родине долгое время находилось почти в полном забвении. Хотя до революции он был главным архитектором Ялты, создателем Ливадийского дворца Николая II, многих дворцов, вилл и особняков русской аристократии. В Югославии архитектор выполнял заказы короля Александра Карагеоргиевича и проектировал много правительственных зданий. Сейчас о жизни Н. П. Краснова написаны книги¹¹, его творчеству посвящены выставки в Москве и Белграде, в Ялте в его честь названа улица, воздвигнут монумент, в Белграде сооружен бюст, как раз напротив здания Архива Сербии, построенного по его проекту.

Не могу не упомянуть еще одного русского и югославского архитектора, военного инженера, генерал-майора Василия Федоровича Баумгартена (1879–1962). Он известен как создатель уже упоминавшегося «Русского дома им. Императора Николая II» — центра эмигрантской жизни выходцев из России. Сейчас это здание использует для своих нужд «Россотрудничество». Баумгартен построил также в Белграде здание Генерального штаба, которое, к сожалению, разбомбила натовская авиация в 1999 г. На родине Баумгартена хотелось бы упомянуть как автора эскизного проекта здания Морского кадетского корпуса в севастопольской Голландии — ныне части Севастопольского государственного университета. Баумгартен эвакуировался из Севастополя в 1920 г., через Турцию попал в Югославию, после Второй мировой войны очутился в Аргентине, жил и похоронен в Буэнос-Айресе.

Широко известен театральный деятель, режиссер и педагог Юрий Львович Ракитин (1882–1952). На сербской земле он развивал традиции Московского художественного театра, поставив на чужбине более 200 спектаклей. Конец жизни он провел в Нови-Саде, в центре которого есть улица, названная его име-

нем. На могиле Ракитина в этом городе была посажена вишня в честь его знаменитой постановки пьесы А.П. Чехова «Вишневый сад». Не столь давно усилиями сотрудников Филологического факультета Белградского университета были изданы его дневниковые записи¹².

Необходимо упомянуть и Георгия Александровича Острогорского (1902–1976) — основателя византистики в Сербии (Югославии), одного из самых авторитетных историков-византистов XX века. Он преподавал на историческом отделении Философского факультета Белградского университета, заведовал кафедрой византологии. Был избран академиком Сербской академии наук и искусств, по его инициативе был создан академический Институт византистики, и до самой смерти он был его бессменным директором. Главный труд Острогорского — «История Византийского государства»¹³.

В Сербии тенденция изучения русской эмиграции была схожей с российской: на первом плане были работы о русском культурном вкладе. Так, одной из первых научно значимых монографий стала книга известного литературоведа О. Джурича «Русская литературная Сербия»¹⁴. Его интерес к русской культуре и, в частности, литературе не случаен. По его словам, русская интеллигенция своей деятельностью способствовала тому, чтобы литературно-культурная жизнь вошла в привычку у молодого, еще бедного кадрами сербского общества. «На сербских просторах, — писал он, — где ... книга только начинала стремиться к своей высокой духовной планке, русское преклонение перед письменным словом стало небесным даром. На домашнем культурном небе оно пронеслось как яркий след кометы...»¹⁵.

Следующей важной работой стал двухтомник «Русская эмиграция в сербской культуре XX века»¹⁶, который вышел по следам научной конференции «Вклад русской эмиграции в развитие сербской культуры XX века» в 1994 г. В этом труде фактически были намечены все основные направления дальнейшего изучения вклада русских эмигрантов в сербскую культуру. Наряду с общими проблемами культурной и религиозной самоорганизации беженцев, это были вопросы науки, техники, здравоохранения, образования, архитектуры, литературы, изобразительно-

го, театрального и музыкального искусства — всего 54 статьи. В издании были опубликованы составленная А.Б. Арсеньевым выборочная библиография по теме «Русская эмиграция в Югославии», а также именной указатель русских эмигрантов. Кстати, наиболее полной библиографией русских эмигрантов до сих пор остается книга И.Н. Качаки «Библиография русских беженцев в Королевстве СХС (Югославии) 1920–1945 гг.»¹⁷.

Особо необходимо отметить многолетнюю плодотворную деятельность одного из составителей двухтомника «Русская эмиграция в сербской культуре XX века» потомка русских эмигрантов в третьем поколении А.Б. Арсеньева. Он является главным хранителем документации и самой памяти о русской эмиграции в Сербии, бескорыстно помогающим всем, кто к нему обращается. А.Б. Арсеньев — автор интересных работ о русских в Сербии и прежде всего в Воеводине¹⁸. Последней на данный момент его работой стал совместный с М.Л. Ордовским-Танаевским большой труд в двух частях о втором поколении русской эмиграции: «Гимназия в лицах. Первая русско-сербская гимназия в Белграде (1920–1944)»¹⁹.

В последнее время плодотворно разрабатывает тему русского комикса в Югославии И. Антанасиевич²⁰. Этот жанр изобразительного искусства в СССР не получил должного развития, а в Югославии стараниями русских художников оказался на уровне современных ему лучших мировых образцов. Работы И. Антанасиевич доказывают, что даже в, казалось бы, избитой теме русского вклада в сербскую культуру можно найти новые повороты.

Несколько особняком стоят работы, посвященные русским эмигрантам в годы Второй мировой войны, их участию в Русском охранном корпусе. В последние годы эту тематику плодотворно разрабатывает А.Ю. Тимофеев²¹. Есть работы и о русских участниках антифашистской борьбы, в частности, о самом известном из них — Ф.Е. Махине, генерал-лейтенанте Народно-освободительной армии Югославии. А.В. Ганиным в его книге «Измена командармов»²² Махину посвящен большой очерк «Свой среди чужих и чужой среди своих».

Под редакцией А.Ю. Тимофеева недавно увидел свет сборник «Столетие двух эмиграций. 1919–2019»²³, рассматривающий

различные аспекты русской эмиграции в Сербии и сербской — в России.

Сейчас о русской эмиграции написано уже много. Появился даже специальный термин «эмигрантоведение». С середины 1990-х годов в Москве существует Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына (с библиотекой, архивом, музеем и т.п.), деятельность которого во многом нацелена на изучение культурного наследия русских эмигрантов.

Об эмиграции в Югославии больше всего написано в России и Сербии. И это понятно — история русской эмиграции в Югославии принадлежит прежде всего этим двум странам. Защищаются диссертации. В частности, в 2010 г. на историческом факультете МГУ кандидатскую диссертацию «Российские профессора югославских университетов: 1920–1941» защитил В.С. Путьтин.

Надо отметить, что такой, обозначившийся с самого начала подход к проблеме эмиграции был вполне обоснован. Он менее политизирован, а главное — лучше обеспечен документальными и иными материалами. Кроме того, несомненно, большим достижением в российской гуманитарной сфере стало воссоединение двух ветвей русской культуры — существовавшей в советских условиях и зарубежной, творцами которой были прежде всего деятели первой волны русской эмиграции. В том числе и ученые-гуманитарии, поскольку их работы — тоже неотъемлемая часть культуры. Их достижения — вновь часть российской науки. Идеи русских зарубежных ученых, прежде гонимые, запрещенные, в лучшем случае тщательно дозированные, стали доступны. Конечно, всё это не могло не привлекать исследователей.

Однако в результате такого подхода несколько в тени оставались другие стороны эмигрантской жизни. Наиболее глубокой серьезной работой, исследованием другого плана стала докторская диссертация профессора Белградского университета Мирослава Йовановича, опубликованная первоначально на русском языке²⁴. Автор справедливо отмечал, что в предыдущих работах «можно констатировать присутствие особого акцента на исследованиях русской культуры в эмиграции». И в то же время «было крайне мало попыток рассмотрения более широких тематическо-проблемных комплексов, явно заметно отсутствие сравнительных

исследований, которые осветили бы различные аспекты жизни в эмиграции, и в особенности законченных работ, в которых бы в одинаковой мере были разработаны политические, дипломатические, структурные, социальные, демографические, психологические, антропологические, культурологические и идейные аспекты истории русского человека в изгнании»²⁵. Этот пробел автор попытался восполнить в своей работе, и ему это во многом удалось. А.Л. Шемякин посчитал даже, что это «фундаментальное синтетическое сочинение» принципиально решило вопрос о русской эмиграции на Балканах «на макро-уровне»²⁶.

Мы специально не останавливаемся в данном обзоре на многочисленных воспоминаниях и сочинениях самих эмигрантов, что требует специального изучения, и эти работы часто следует отнести скорее к источникам, чем к историографии. Однако мы не можем не упомянуть о двух работах самих эмигрантов. Во-первых, речь идет о втором томе записок В.А. Маевского, изданных в США в середине 1960-х годов²⁷. В его воспоминаниях нашлось место не только для культурной, но и политической деятельности эмиграции. Эта небольшая книжка до сих пор остается одной из самых востребованных у интересующихся этой темой, более того, часто именно с нее начинается знакомство с историей русской эмиграции в Сербии.

Во-вторых, назовем еще одну важную и необычную работу. Это книга, написанная русскими эмигрантами, оказавшимися в югославских тюрьмах после сталинско-титовского конфликта 1948 г. Из этих русских образовали своего рода «шарашку»*, перед которой была поставлена задача изложить историю русской эмиграции в Югославии. Работа велась, естественно, не по доброй воле, а по приказу тюремщиков. Заключение не спешили: в «шарашке» было лучше, чем в тюрьме. Окончательно рукопись под грифом «секретно» была перепечатана в количестве 172 экземпляров, озаглавлена «Белоэмиграция в Югославии. 1918–1941.» и датирована «Белград, январь 1955 г.»²⁸.

* «Шарашка» — разговорное название НИИ и КБ тюремного типа, подчинённых НКВД/МВД СССР, в которых работали осуждённые ученые, инженеры и техники. В системе НКВД именовались «особыми техническими бюро» (ОТБ), «особыми конструкторскими бюро» (ОКБ) и тому подобными аббревиатурами с номерами. Через «шарашки» прошли многие выдающиеся советские ученые и конструкторы.

Итоговый труд содержал 10 глав (6 глав в первой книге и 4 — во второй): «Белоэмиграция до прибытия в Югославию»; «Прибытие белоэмигрантов в Югославию»; «Жизнь белоэмиграции в Югославии»; «Деятельность белоэмигрантов в Югославии в сфере образования и науки»; «Художественная и литературная жизнь белоэмиграции в Югославии»; «Политические течения, партии и организации белоэмиграции»; «Военная эмиграция»; «Русская православная церковь в эмиграции»; «Отношение бывшей Югославии к белоэмигрантам»; «Иностранные государства и белоэмиграция».

Предваряло сочинение русских эмигрантов совсем небольшое предисловие, которое написал высокопоставленный сотрудник госбезопасности, скрывшийся за инициалами В.Б. Он дал труду эмигрантов следующую характеристику: «Эти материалы (собранные в две книги) изложены как сухой исторический справочник — другого характера они иметь не могут. Нет серьезного анализа, нет правильных политических оценок... Цель этих материалов прежде всего — быть историческим справочником, предназначенным в помощь оперативным работникам при решении проблем, связанных с белоэмиграцией, которая и сегодня служит важной базой для советской разведывательной службы»²⁹.

В наши дни такая критика звучит как комплимент. Значит, находившиеся в югославской «шарашке» эмигранты не стремились полностью угодить своим заказчикам-тюремщикам и смогли все-таки остаться достаточно объективными. Но, конечно, авторы-заключенные не были свободны в своем творчестве («нет свободы в тюрьме!»). Публикаторы этого труда Т. Миленкович и М. Павлович справедливо подчеркивают, что они «знали, что от них ожидают, и шли навстречу этим ожиданиям, не желая ухудшать свою и без того тяжелую жизнь в заключении»³⁰.

Судьба распорядилась так, что кропотливый труд русских эмигрантов перестал быть актуальным к моменту своего завершения. В советско-югославских отношениях началась так называемая нормализация. Однако еще долго исторический труд эмигрантов, их своего рода «автопортрет», оставался в ведении госбезопасности. Лишь в начале XXI в. он, наконец, увидел свет. Но мы до сих пор не знаем его безымянных авторов. Хотелось

бы надеяться также на перевод его на русский язык (хотя это и будет уже двойной перевод). Разумеется, это не отменяет задачи исследования политической стороны жизни русских эмигрантов, а не только того вклада, который они внесли в культуру и науку принявшей их страны.

Конечно, главные и самые известные фигуры русской эмиграции проживали в Берлине и Париже, а не в Белграде и, тем более, в сербской глубинке. Белград не был главным научным или литературным центром эмиграции. В Сербию попали в основном довольно консервативные жители Юга России.

Однако два фактора всё же выделяли эту эмиграцию из всего русского рассеяния. Во-первых, в 1922 г. сюда, в воеводинский городок Сремски-Карловцы, переехал из Константинополя (Стамбула) вместе со своим штабом Главнокомандующий Русской Армией барон Петр Николаевич Врангель³¹. В 1924 г. он создал Русский общевоинский союз (РОВС), объединивший большинство участников Белого движения в эмиграции. Во-вторых, в 1921 г. русские архиереи, оказавшиеся в изгнании, также приняли решение о переезде в Сремски-Карловцы, где сербский патриарх отдал в их распоряжение свою резиденцию. Здесь в 1922 г. была образована Русская Православная Церковь Заграницей (РПЦЗ) во главе с митрополитом Киевским и Галицким Антонием (Храповицким). Характерно, что сторонников этой церкви по месту ее образования называли карловчанами.

Об этих двух важнейших институтах Русского Зарубежья существует своя литература. Но всё же, еще раз повторим, в изучении русской эмиграции в Югославии существует заметный перекос: преобладают работы, посвященные прежде всего вкладу эмигрантов в развитие культуры и науки принявшей их страны. В то же время намного меньше работ, которые бы затрагивали политическую историю эмиграции, различных ее организаций и течений, идейно-политическую борьбу ее представителей и т.п. Это касается не только русской эмиграции в Сербии, но и в Хорватии³², Словении³³, Северной Македонии³⁴ и других бывших югославских республиках.

Примечания

- ¹ *Достян И.С.* Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980.
- ² См.: Открытие «братьев-славян». Русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века / сост., пред., биогр. справки, комм. и закл. ст. М.В. Белова. СПб., 2018. С. 3.
- ³ *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. Изд. третье. М., 1987.
- ⁴ *Тесемников В.А.* Российская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.) // Вопросы истории. 1988. № 10. С. 128–137.
- ⁵ *Писарев Ю.А.* Российская эмиграция в Югославии // Новая и новейшая история. 1991. № 1. С. 151–161. Об этой работе см. подробнее: *Никифоров К.В.* Ю.А. Писарев о русской эмиграции в Югославии // Славяне и Россия: Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (мифы и реальность). М., 2019. С. 446–456.
- ⁶ Напомним и о своих первых работах по этой теме: *Никифоров К.В.* Руски архитекта Н.П. Краснов — градитељ Његошеве капеле на Ловћену // Стварање. Титоград, 1991. Бр. 8–9. С. 827–831; *он же.* Русский Белград (к вопросу о деятельности русских архитекторов-эмигрантов) // Славяноведение. 1992. № 4. С. 33–44.
- ⁷ *Косик В.И.* Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде. 1920–1950-е годы. М., 2007; *он же.* Что мне до вас, мостовые Белграда? Русская диаспора в Белграде. 1920–1950-е годы. Эссе. М., 2007; *он же.* Русские краски на балканской палитре. Художественное творчество русских на Балканах (конец XIX — начало XXI века). М., 2010. См. также: *он же.* Русская церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века). М., 2000.
- ⁸ Русский Белград / сост. В.А. Тесемников, В.И. Косик. М., 2008.
- ⁹ *Вагапова Н.М.* Русская театральная эмиграция в Центральной Европе и на Балканах. Очерки. СПб., 2007.
- ¹⁰ Российские врачи в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Югославии. Биографический словарь и анкеты (1918–1946) / отв. ред. М. Милошевич, В. Москвин; сост. М. Горинов-мл., М. Сорокина, Н. Петрович, М. Медакович, Р. Радженевич. Белград — М., 2012.
- ¹¹ См., напр.: *Калинин Н., Кадиевич А., Земляниченко М.* Архитектор высочайшего двора. Симферополь, 2003.
- ¹² *Ракитин Ю.* Дневниковые записи 1924–1937 годов. Белград, 2018.
- ¹³ См., напр.: *Острогорский Г.А.* История Византийского государства. М., 2011.
- ¹⁴ *Ђурић О.* Руска литерарна Србија 1920–1941 (писци, кружоци и издања). Београд, 1990.
- ¹⁵ Там же. С. 271.
- ¹⁶ Руска емиграција у српској култури XX века. Зборник радова / приред. М. Сабиновић, М. Межински, А. Арсењев; гл. и одг. уред. М. Сабиновић. Београд, 1994. Т. I–II.
- ¹⁷ *Katchaki J.N.* Bibliography of Russian Refugees in the Kingdom of S.H.S. (Yugoslavia) 1920–1945. Arnhem, 1991.
- ¹⁸ См., в частности: *Арсењев А.Б.* У излучини Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999; *он же.* Русская эмиграция в Сремских Карловцах. Сремски Карловци, 2008. См. также: Русские в Сербии / авт. А.Б. Арсењев и др., отв. ред. А.А. Максак. Београд, 2009.

- 19 Гимназия в лицах. Первая русско-сербская гимназия в Белграде (1920–1944 / А.Б. Арсеньев, М.Л. Ордовский-Танаевский. В двух книгах. Белград, 2018. См.: Рецензия А.Л. Шемјакина за рукопис «Гимназија у лицама. Прва руско-српска гимназија у Београду (1920–1944)». 25. октобра 2017 // Русија и Србија на прелому века. Српске теме Андреја Шемјакина. Београд, 2020. С. 341–344.
- 20 *Антанасиевич И.* Русский комикс королевства Югославии. СПб., 2018; см. также: *она же.* Русская классика в картинках. Београд, 2015.
- 21 См.: *Тимофеев А.Ю.* Русский фактор и Вторая мировая война в Югославии. 1941–1945. М., 2010; *Тимофејев А.Ј.* Руси и Други светски рат у Југославији. Утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији 1941–1945. Београд, 2011; см. также сборник документов: Русский корпус на Балканах. 1941–1945 гг. М., 2008.
- 22 *Ганин А.В.* Измена командармов. Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922. М., 2020.
- 23 Столетие двух эмиграций 1919–2019. Сборник статей / отв. ред. А.Ю. Тимофеев. М. — Белград, 2019.
- 24 *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. М., 2005. См. также: *Јовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд, 1996.
- 25 *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах. С. 16–17.
- 26 См.: Рецензија А.Л. Шемјакина за рукопис «Гимназија у лицама. Прва руско-српска гимназија у Београду (1920–1944)». С. 341–342.
- 27 *Маевский В.* Русские в Югославии. Взаимоотношения России и Сербии. Нью-Йорк, 1966. Т. II.
- 28 См.: Белоемиграција у Југославији. 1918–1941 / приредили Т. Миленковић, М. Павловић. Београд, 2006. Т. I–II. См. также: *Никифоров К.В.* Белоемиграција у Југославији. 1918–1941. (Приредили Т. Миленковић, М. Павловић). Београд, 2006. Т. I. 506 с. Т. II. 359 с. // *Славяноведение.* 2007. № 4. С. 89–92.
- 29 Белоемиграција у Југославији. Т. I. С. 21–22.
- 30 Там же. С. 23.
- 31 О его похоронах в Белграде см.: *Никифоров К.В.* Последняя воля барона Врангеля // *Славянский мир в третьем тысячелетии. Соглашение (согласие) договор, компромисс в истории, языках и культуре славянских народов.* М., 2016. С. 250–260.
- 32 *Пушкадија-Рыбкина Т.* Эмигранты из России в научной и культурной жизни Загреба. Загреб, 2007; *Пушкадија-Рыбкина Т., Грубмайр И.* Эмигранты из России в Загребе. Жизни и судьбы. Загреб, 2019.
- 33 *Brglez A., Seljak M.* Rusija na Slovenskem. Ruski profesorji na Univerzi v Ljubljani v letih 1920–1945. Ljubljana, 2008 (*Брглез А., Селяк М.* Россия в Словении. Русские преподаватели в Люблянском университете в период с 1920–1945 гг. Любляна, 2008).
- 34 Руската колонија во Скопје (1920–1943 год). Зборник на документи. Скопје, 2015 (Русская колония в Скопье (1920–1943 гг.). Сборник документов. Скопье, 2015).